

UDC 316.61

DOI: 10.30936/2227-7951-2018-10-101-116

А.Б. ГОФМАН

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И МОДА

***Аннотация:** Мода вездесуща, она оказывает влияние на все. Нет такого явления, которое бы не оказывалось под ее влиянием, хотя мы не всегда его замечаем. Благотворительная деятельность – не исключение. Статья посвящена рассмотрению влияния моды на современную благотворительность. Автор выявляет некоторые характерные черты и темы социологического изучения современной благотворительности, в частности, значение «парадигмы дара», сформулированной Марселем Моссом. В статье выделяются четыре типа благотворительности: традиционная, институциональная, общественно-гражданская и модная. Согласно автору, влияние моды на нынешнюю благотворительность обнаруживается благодаря присутствию в ней четырех ранее выявленных им «атрибутивных» ценностей моды: современности, универсальности, игры и демонстративности.*

***Abstract:** Fashion is omnipresent, it influences all phenomena of social life, including philanthropy. The aim of this article is to demonstrate the presence of fashion in contemporary philanthropy. The author distinguishes four types of philanthropy, namely traditional, institutional, public and civil, and fashionable. The influence of fashion on present-day philanthropy is demonstrated by the presence in it of four “attributive” values of fashion, identified by the author in his previous works; it is the values of nowadays, of universalism, of play and of conspicuous.*

***Ключевые слова:** социологические исследования, современная благотворительность, типы благотворительности, мода, атрибутивные ценности моды.*

***Keywords:** Sociological studies, contemporary philanthropy, types of philanthropy, fashion, attributive values of fashion.*

О социологических подходах к изучению благотворительности

Под благотворительностью обычно понимается бескорыстная помощь тем, кто в ней нуждается. Близкими к этому понятию, включенными

ми в него или теми, что к нему примыкают, являются такие понятия, как филантропия, волонтерство, добровольчество, (франц. *volontariat*; англ. *volunteerism*), милосердие (*charity, charité*), работа на общественных началах или безвозмездная помощь (франц. *bénévolat*; англ. *benevolence*), спонсорство, меценатство, донорство, дарение, альтруистическая деятельность, пожертвования, милостыня, призрение, опека, попечительство и т.п.

В последние годы социологи различных стран, включая Россию, нередко обращаются к проблематике благотворительности. До сих пор в этой проблемной области преобладают исследования организационно-практических и управленческих вопросов, рассмотрение этого явления как элемента социальной политики, деятельности различных фондов, некоммерческих и неправительственных организаций. Собственно теоретические разработки в данной области относительно редки.

В центре внимания исследователей благотворительности находились и находятся, в частности, такие сферы деятельности, как помощь больным, пожилым, бездомным, бедным, детям, оставшимся без попечения родителей; проблемы наркомании; зоозащита; проблемы экологии и т.д.

Начало серьезного систематического изучения благотворительности во второй половине XX в. часто связывают с вышедшей в 1970 г. работой известного британского исследователя и практика в области социальной политики, профессора Лондонской школы экономики Ричарда Титмусса (1907-1973), посвященной донорству крови. В этой, ставшей классической, работе Титмусс обосновывал социальное, экономическое, моральное преимущество и даже более высокую эффективность безвозмездного «дарения» крови по сравнению с ее «продажей», с рыночным отношением к донорству как к оплачиваемой услуге¹. Уже в этой работе был намечен подход к благотворительности как к дару.

Правда, в трактовке британского исследователя современный дар несколько отличается от архаического, исследованного в знаменитой работе Марселя Мосса «Опыт о даре» (1925)². Мосс рассматривает дар глав-

¹ См.: Titmuss R. *The Gift Relationship: From Human Blood to Social Policy* (1970). – N.Y.: NewPress, 1997. Этот подход был продолжен в исследовании французского социолога Филиппа Штайнера о донорстве человеческих органов. Steiner P. *La transplantation d'organes. Un commerce nouveau entre les ktreshumains*. – P.: Gallimard, 2010. Правда, он предпочитает характеризовать донорство органов не как «дар», а как «жертвоприношение», ставшее объектом другого известного исследования Мосса (в соавторстве с Анри Юбером). Мосс М. (в соавт. с А. Юбером). Очерк о природе и функции жертвоприношения // Мосс М. Социальные функции священного. – СПб: Евразия, 2000. – С.7-112.

² См.: Мосс М. «Опыт о даре» (1925) // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Книжный Дом «Университет», 2011. – С.134-285.

ным образом как форму обмена, а не как чисто альтруистический акт. Дар в его трактовке предполагает три взаимосвязанные обязанности: давать, принимать и возмещать полученный дар. Эта форма, широко представленная в различных обществах с неразвитыми товарно-денежными отношениями, выражена в известном принципе римского права “*doutdes*” («даю, чтобы ты дал»); она базируется на тесных личных взаимоотношениях между участниками обменов дарами. В отличие от такого рода даров, современный дар крови включен в систему различных социальных институтов и организаций, в которых отношения между донором и реципиентом чаще всего носят анонимный характер. Титмус подчеркивал важнейшее социальное значение альтруистических мотивов донорства, воплощающих социальность как таковую.

Впрочем, тема альтруизма, как и социальной солидарности, в архаическом и современном даре была близка и Моссу. Эту тему продолжают его последователи, обосновывающие так называемую «парадигму дара» и издающие журнал “*ReveduMAUSS*”. Последнее слово представляет собой фамилию Мосса (Mauss) и одновременно аббревиатуру, которая составлена из первых букв слов, обозначающих интеллектуальное течение, названное его участниками «Антиутилитаристское движение в социальных науках» (“*Mouvement Anti-Utilitariste en Sciences Sociales*”)³. Инициатор движения, социолог и экономист Ален Кайе, рассматривает «парадигму дара» как продолжение идей Мосса, способное преодолеть дилемму индивидуализма и холизма и вообще пересмотреть основания социальных наук в духе антиутилитаризма⁴.

На работу Мосса о даре при анализе благотворительности опирается и единомышленник Алена Кайе, канадский социолог Жак Годбу. По данным эмпирических исследований, на которые он ссылается, волонтеры (*binvoles*), отвечая на вопрос, что отличает их от публичных институтов, занимающихся тем же самым, подчеркивают отсутствие разрыва, более высокую степень близости между тем, кто оказывает помощь, и тем, кто ее получает⁵.

Специальную работу перспективам использования идей Мосса для анализа современной благотворительности посвятила израильская исследовательница Илана Зильбер⁶. Она обращает внимание на выявленное им

³ Подробней об этом см.: Гофман А.Б. Живой Мосс. Конференция в Серизи // *Личность. Культура. Общество*. – 2009. – Т. XI. – Вып. 4 (№№ 51-52). – С. 500-505.

⁴ См.: Caillé A. *Anthropologie du don. Le tiers paradigme* (2000). – P.: La Découverte, 2007. Caillé A. *Dépenser l'économique. Contre le fatalisme*. P.: La Découverte/M.A.U.S.S., 2005. Caillé A. *Théorie antiutilitariste de l'action*. Fragments d'unesociologie générale. – P.: La Découverte/M.A.U.S.S., 2009.

⁵ См.: Godbout J., *encollab. av. A.Caillé. L'esprit du don*. (1992). – P.: La Découverte, 2000. P. 108.

внутренне присущее архаическому дару парадоксальное сочетание утилитарного интереса и бескорыстия. Кроме того, он проанализировал глубокую взаимосвязь между даром и личной идентичностью дарителя. Эти черты, с точки зрения Зильбер, можно обнаружить и в современной филантропической деятельности. Значительная её часть может быть направлена на себя, на собственное благо ее субъектов. Этому могут способствовать разного рода вознаграждения, как внешние, так и внутренние, среди которых повышение самооценки, удовольствие, рост социального престижа, восходящая социальная мобильность, расширение деловых связей, пиар и т.д. Эту открытую «эгоистическую» мотивацию можно найти в деятельности индивидуальных и коллективных филантропов в США.

Современные благотворительные акции зачастую напоминают архаические, описанные Моссом, в частности, потлач, знаменитый обычай индейцев Тихоокеанского побережья Северной Америки. Среди них разного рода торжественные собрания, фестивали, обеды, концерты; часто они носят праздничный, церемониальный характер и сопровождаются тем, что Дюркгейм, наставник и дядя Мосса, характеризовал как коллективное возбуждение (*effervescence*). Как и в архаических формах дара, современная филантропия играет важную роль в символическом формировании и передаче личной и коллективной идентичностей⁷.

Из работы Зильбер следует, что благотворительность и рыночно-деловую мотивации не следует рассматривать как противоположности. Важно, не смешивая их, изучать их соотношение, взаимопроникновение и взаимодействие.

В России в последние годы социологические исследования благотворительности получили широкое распространение. И это неудивительно, так как увеличились масштабы самого этого явления. По данным благотворительного фонда Charities Aid Foundation, Россия занимает восьмое место в мире по числу волонтеров. С каждым годом волонтерская активность россиян растет: с 2014 по 2015 гг. число людей, сделавших пожертвования, увеличилось почти на 2,9 млн человек, а доля волонтеров среди россиян за год выросла с 18% до 19% и достигла 23 миллионов⁸.

⁶ См.: Silber I. *Modern Philanthropy: Reassessing the Viability of a Maussian Perspective* // Marcel Mauss. *A Centenary Tribute* / Ed. by W. James and N.J. Allen. — N.Y.; Oxf.: Berghahn Books, 1998. — P.134-150.

⁷ Silber I. *Modern Philanthropy: Reassessing the Viability of a Maussian Perspective* // Marcel Mauss. *A Centenary Tribute* / Ed. by W. James and N.J. Allen. — N.Y.; Oxf.: Berghahn Books, 1998. P. 140-144.

⁸ См.: Усачева О.А. Мотивации к волонтерской деятельности и функции волонтерского движения в современной России // Социология и общество: социальное неравенство и

Правда, согласно результатам Мирового рейтинга благотворительности, полученным этим же фондом (2010 год), по степени распространенности благотворительности среди стран мира Россия оказалась на 138 месте из 153 возможных (исследование проводилось в 153 странах и охватывало 95% населения мира). Столь низкое место в данном рейтинге эксперты объясняют сравнительно недавним по историческим меркам (с начала перестройки) возрождением благотворительности в стране. Тем не менее, налицо позитивная динамика и даже своего рода бум этой деятельности в нашей стране, так же как и во всем мире⁹.

Многочисленные российские исследования благотворительности и различных ее разновидностей, в частности, волонтерства, были посвящены особенностям этой деятельности в стране, ее типам, социальным функциям, мотивам и т.д.¹⁰. Специальное внимание в них нередко уделяется вопросам типологии или классификации видов благотворительности.

Четыре типа благотворительности

Существующие типологии или классификации благотворительности, предлагаемые в исследованиях этого вида деятельности, базируются на различных основаниях. Среди этих оснований в волонтерской деятельности выделяются, в частности, ее цели или направление (например, в сфере образования, здравоохранения, охраны природы и т.д.); время, которое люди уделяют волонтерству (постоянная или временная занятость, например, на период конкретных акций); «природа» волонтерской дея-

социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс]: Материалы V Всероссийского социологического конгресса / Отв. ред. В.А. Мансуров. — М.: Российское общество социологов, 2016. — С. 2857-2858.

⁹ См.: Дудченко О.Н., Мытиль А.В., Зарипова З.Р. Перспективы развития благотворительности в России // Россия реформирующаяся. Ежегодник-2011 / Отв. ред. М.К. Горшков. — М.: СПб: Институт социологии РАН; Нестор-история, 2011. — С. 389-390.

¹⁰ См., в частности: Потенциал и пути развития филантропии в России / Под ред. И.В. - Мерсияновой, Л.И. Яковсона. — М.: НИУ ВШЭ, 2010; Дудченко О.Н., Мытиль А.В., Зарипова З.Р. Перспективы развития благотворительности в России // Россия реформирующаяся. Ежегодник-2011 / Отв. ред. М.К. Горшков. — М.; СПб: Институт социологии РАН; Нестор-история, 2011. — С. 389-402. Певная М.В. Волонтерство как социологическая проблема // Социс. — 2013. — № 2. — С.110-119; Усачева О.А. Мотивации к волонтерской деятельности и функции волонтерского движения в современной России // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / Отв. ред. В.А. Мансуров. — М.: Российское общество социологов, 2016. — С. 2855-2866; Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е. Влияние доверия на участие россиян в благотворительности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2017. — № 2. — С. 145-159.

тельности (оффлайн или онлайн); состав волонтерских сообществ (например, молодежное волонтерство, волонтерство пенсионеров и т.д.).

О.А. Усачева, отметившая предыдущие основания классификации, которые получили широкое распространение, выделяет пять типов волонтерства: 1) традиционное, предполагающее участие добровольцев в работе местных некоммерческих организаций (НКО) непосредственно с получателями помощи; 2) стажировка или учебная практика; 3) туристическое волонтерство, в котором сочетаются путешествия и участие в деятельности какой-нибудь местной НКО; 4) онлайн-волонтерство; 5) микро-волонтерство (подвид онлайн-волонтерства, объединяющее малые дела множества людей)¹¹.

Широкое распространение, с теми или иными вариациями, получили типологии благотворительности по субъектам этой деятельности. Например, в качестве таких типов выступают частная, корпоративная, общественная и государственная благотворительность.

Предлагаемая ниже типология благотворительности носит принципиально общий характер и отчасти совпадает с ранее разработанными. Ее основанием служит то, в какую базовую форму социальной регуляции, социальных движений и объединений включены те или иные благотворительные практики. В качестве таких форм выступают 1) обычай (традиционная форма); 2) социальные институты; 3) общественно-гражданские общины, движения и организации и 4) мода.

Соответственно, благотворительность оказывается включенной в один из названных четырех типов, является их элементом и выступает как 1) традиционная, 2) институциональная, 3) общественно-гражданская и 4) модная. Следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет не об исторической классификации, а об аналитической типологии, состоящей из того, что принято называть идеальными, или чистыми типами. Реальные благотворительные практики сочетают в себе различные подобные типы.

Традиционная благотворительность. Разумеется, в той или степени и форме традиционность присуща всем вышеназванным типам благотворительности, поскольку традиции присутствуют во всех сферах социальной жизни во все исторические эпохи. Но в данном случае речь идет о благотворительных практиках, включенных в обычай как недифферен-

¹¹ См.: Усачева О.А. Мотивации к волонтерской деятельности и функции волонтерского движения в современной России // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / Отв. ред. В.А. Мансуров. – М.: Российское общество социологов, 2016. – С. 2856-2857.

цированный, синкретический социокультурный регулятор, одновременно религиозный, моральный, правовой, экономический и т.д.

Соответственно, и благотворительность здесь носит синкретический, универсальный характер, выступая как религиозно-морально-юридически-экономическая и прочая деятельность. Мы находим подобную ее разновидность в таких обычаях, как тот же потлач у северо-американских индейцев, *цдака* и *гмилутхасадим* в иудаизме, или *саадака* в исламе. В христианстве это основополагающая идея и ценность милосердия, воплощенная в самых различных благотворительных практиках.

Институциональная благотворительность. В данном случае речь идет о благотворительности как обособого рода социальном институте, или системе институтов, включенных в более широкие институциональные образования, такие, например, как религия или государство.

Социальные институты, как и обычаи, из которых они исторически выделяются, являются долговременными и устойчивыми нормативными образованиями. Но, в отличие от обычаев, они специализированы, формируются и существуют для удовлетворения определенных базовых потребностей обществ и регулируют поведение индивидов в определенной сфере социальной жизни. Общество институтов, как и сами институты, в отличие от традиционного, или общества обычаев, носят дифференцированный характер и в структурном, и в функциональном аспектах. Соответственно, благотворительность в таком обществе, бывает религиозной, моральной, политической, государственной, экономической и т.д., в зависимости от того, в какую институциональную систему она включена.

До XIX в. в европейских обществах главную роль в благотворительной деятельности играли религиозные институты и организации. После этого, наряду с ними, в связи с процессом секуляризации значительное место в этой деятельности заняли различные светские институты и организации, в частности, государственные и собственно филантропические светские. В качестве светской альтернативы религиозной благотворительности, основанной на милосердии, выступила идея солидарности. Возникло и получило развитие движение солидаризма. Его участники и приверженцы доказывали преимущество и более высокую эффективность светской благотворительности, воплощенной в идее солидарности, в сравнении с религиозной, представленной в идее милосердия. Благотворительность заняла важное место в деятельности различных европейских государств и в соответствующих законодательных системах. Это относится и к России конца XIX – начала XX вв., где сосуществовали различные формы как частной, так и общественной благотворительности, религиозной, государственной и т.д.

После Октябрьской революции 1917 г. все формы благотворительности были поставлены под жесткий государственный контроль и фактически исчезли в качестве спонтанной социальной деятельности. В СССР она была объявлена «пережитком» буржуазного общества. В советском же обществе, согласно официальной доктрине, благотворительность не существует, так как в ней нет потребности. Социалистическое государство целиком и полностью берет на себя заботу обо всех своих гражданах. Власть объявила, что зарплата будет меньше, но зато общественные фонды потребления, в которые перекочевала значительная часть заработной платы работающих граждан (первоначально эти фонды назывались «социализированной зарплатой»), будут удовлетворять ряд важнейших потребностей трудящихся; это создавало впечатление «бесплатного» характера ряда благ и услуг (в жилье, образовании, здравоохранении и т.п.).

Само слово и понятие «благотворительность» были наделены негативными значениями. Это очевидным образом отразилось в словарно-энциклопедических изданиях советского периода. В толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова (1935) слово «благотворительность» определялось как «оказание помощи бедным»; при этом оно характеризовалось как «устаревшее», а слово «благотворитель» («лицо, занимающееся благотворительностью») — как «книжное»¹².

В первом издании Большой Советской Энциклопедии в статье «Благотворительность» было сказано, что она «представляет собою явление, свойственное лишь классовому об-ву», а раздел этой статьи, озаглавленный «Благотворительность в СССР» начинался с фразы: «Социальному строю СССР чуждо понятие благотворительности»¹³. В анонимной статье «Благотворительность», опубликованной во втором издании БСЭ, это понятие определялось как «помощь, лицемерно оказываемая представителями господствующих классов эксплуататорского общества некоторой части неимущего населения с целью обмана трудящихся и отвлечения их от классовой борьбы»¹⁴. В третьем издании БСЭ статьи «Благотворительность» нет; зато есть статья «Филантропия», которая определяется как «человеколюбие, ... помощь неимущим, благотворительность»¹⁵. В осно-

¹² Толковый словарь русского языка (1935) / Под ред. Д.Н. Ушакова. Том I. — М.: Русские словари, 1994. — С. 150.

¹³ Солнцев Е. Благотворительность // Большая Советская Энциклопедия. Том 6 / Под ред. О.Ю. Шмидта. — М.: Советская Энциклопедия, 1927. — С. 466, 471.

¹⁴ Большая Советская Энциклопедия, 2-е изд. / Под ред. С.И. Вавилова. Том 5. — М.: Советская Энциклопедия, 1950. — С. 278.

¹⁵ Большая Советская Энциклопедия, 3-е изд. / Под ред. А.М. Прохорова. Том 27. — М.: Советская энциклопедия, 1977. — С. 388.

ванном на этом издании одностомном энциклопедическом словаре также нет статьи «Благотворительность»; есть статья «Филантропия», определяемая так же, как в 3-ем издании БСЭ. Кроме того, имеется статья «Волонтер», в которой это понятие определяется как «добровольно поступивший на военную службу»¹⁶. В словаре С.И. Ожегова 1961 г. издания читаем: «Благотворительность. В условиях буржуазного общества: оказание частными лицами материальной помощи бедным из милости. Частная благотворительность — одно из средств маскировки эксплуататорской природы буржуазии»¹⁷.

Правда, и в советское время какие-то формы благотворительности, помимо государственных институтов и организаций социальной защиты, социального обеспечения, социального страхования, попечительства и т.п., все же существовали. Хотя и под бдительным оком вездесущего государства, они действовали на разных этапах истории советского общества. В этой связи можно вспомнить и тимуровское движение, и субботники с воскресниками, и деятельность Фонда Всеобуча, и помощь Советской Армии и фронту личными средствами во время Великой Отечественной войны, донорство крови и некоторые другие виды деятельности, которые иногда не только по форме, но и по содержанию носили благотворительный и альтруистический характер. Тем не менее, по постановлению Совмина РСФСР (1970) невозможно было вносить в качестве пожертвований личные средства, только коллективные (средства колхозов, кооперативов, профсоюзов, бюджетов республик, заработанных школами и т.п.).

И лишь в эпоху перестройки в России произошла «реабилитация» слова «благотворительность» (как и слова «милосердие») и ее реальное возрождение. В словаре С.И. Ожегова, изданном уже в постсоветское время, определение благотворительности — почти то же самое, что и в советских изданиях этого словаря («оказание частными лицами материальной помощи бедным»), но здесь оно уже освобождено от привязки к «буржуазному» обществу¹⁸. В последние годы реальная благотворительность в стране развивается довольно бурно.

Общественно-гражданская благотворительность. К этому типу относится деятельность многочисленных НКО и НПО, а также частная благотворительность, благотворительная деятельность определенных социальных движений, отдельных стихийно сформированных групп, в общем,

¹⁶ Советский Энциклопедический Словарь. — М.: «Советская энциклопедия», 1981. — С. 1423.

¹⁷ Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. — С. 250.

¹⁸ См.: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 28-е изд., переработ. — М.: Мир и образование, 2016. — С. 89, 1273.

все формы благотворительности, носящие более или менее автономный характер по отношению к органам государственного управления. Общественно-гражданская благотворительность распространяется на такие сферы, как здоровье; проблемы молодежи; бедность; помощь детям-сиротам, престарелым, инвалидам; наркомания; насилие по отношению к женщинам; досуг; экология; бездомные; защита животных; жертвы военных конфликтов и злоупотреблений властей и т.д.

Модная благотворительность. Обоснованность рассмотрения данного типа в качестве самостоятельного может вызвать сомнения. И они вполне объяснимы. В самом деле, разве можно представить себе существование какой-то особой, чисто модной благотворительности? Действительно, такой чисто модной благотворительности не существует. Тем не менее, она существует как один из аспектов, реальных или потенциальных, всех предыдущих типов и благотворительности в целом, как таковой.

Напомним, что речь в данном случае идет не о классификации реальных разновидностей благотворительности, а об аналитической типологии этого явления. Точно так же обстоит дело, например, с модой на лекарства. Не существует, разумеется, особых «модных» лекарств, которые бы существовали наряду с лекарствами «от головы», «от желудка» и т.п. Но при этом некоторые из этих лекарств могут попадать в разряд модных, становиться модными. Точно так же не существует особого «модного» стиля в архитектуре, наряду, скажем с барокко, готикой и т.д., но каждый из этих стилей может становиться и становился «модным», может оказываться и оказывался «в моде».

Выделение данного типа предполагает трактовку моды в качестве специфической формы социокультурной регуляции и саморегуляции поведения. Это значит, что мода на благотворительность как определенная форма поведения в принципе является специфической; в ценностном, мотивационном и поведенческом аспектах она не сводима к предыдущим типам, хотя каждый из них или все они могут наделяться и иногда наделяются модными значениями, т.е. могут становиться и иногда становятся модными. Именно это, судя по многим признакам, происходит сегодня с первыми тремя выделенными типами благотворительности, особенно с общественно-гражданской, в частности, с такими ее разновидностями, как волонтерство и различные формы добровольческой деятельности.

Но может ли существовать мода на благотворительность в принципе? Разве это явление, которое мы чаще всего отождествляем с регулярными изменениями в фасонах одежды, реально или потенциально подвержено воздействию моды? На наш взгляд, на эти вопросы следует ответить утвердительно.

Мода существует во всех сферах социальной жизни, она бывает на что угодно, и если на что-то моды еще не было, это не значит, что ее не будет. Мода воздействует на самые различные и даже противоположные культурные и поведенческие образцы. Под этим воздействием люди бывают жадными и расточительными, эгоистичными и альтруистичными, жизнерадостными и меланхоличными и т.д.

При этом ее реальное присутствие может не осознаваться и не признаваться самими ее участниками. С другой стороны, то, что мы в повседневной жизни называем модой, в действительности совсем не обязательно к ней относится. Отсюда сложность обнаружения, идентификации и изучения этого невидимого, скрытого объекта. Но смысл существования науки в том и состоит, чтобы этим заниматься. Как утверждал французский философ Гастон Башляр, «наука ищет скрытое».

Благотворительность как мода, или мода на благотворительность

Итак, мы предположили, что мода на благотворительность может существовать в принципе, также как она существует на многие другие явления, помимо одежды: от речевого поведения и личных имен до лекарств и телесных форм и практик.

Но какие признаки позволяют нам говорить о том, что в том или ином случае мы имеем дело с именно с модой? Может быть, таким признаком можно считать быстрые и частые изменения? Или кратковременная популярность чего-либо? Нет, это не так: и то и другое совсем не обязательно является модой или вызывается модой. Существует множество быстрых изменений и популярных явлений, которые модными не являются.

Каковы же критерии присутствия моды? Отвечая на данный вопрос, мы опираемся на теоретические положения, касающиеся данного явления и разработанные нами ранее¹⁹. Согласно им, модными являются такие культурные образцы, или способы поведения («моды»), которые выступают в качестве знаков атрибутивных (внутренних) ценностей моды: современности, универсальности, игры и демонстративности. В свою очередь, эти ценности выступают как знаки по отношению к денотативным (внешним) ценностям моды, которые выступают как конечный пункт обозначения в структуре моды. Участники моды следуют определенным модным стандартам, используют включенные в них объекты. Те и другие воспринимаются акторами как модные, если выступают в качестве знаков атрибутивных ценностей моды, а через их посредство — денотатив-

¹⁹ См.: Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения (1994). Изд. 5-е. — М.: Книжный Дом «Университет», 2015. — 228 с.

ных ценностей моды. Если набор атрибутивных ценностей моды ограничен названными четырьмя, то денотативные ценности моды бесконечно многообразны, разнообразны и противоречивы: они различаются на уровне индивидов, социальных групп и обществ.

Дело в том, что, участвуя в моде, различные акторы отнюдь не отказываются от других, «внемодных» своих ценностей, целей и мотивов. Наоборот, в процессе модного поведения они включают их в него и стремятся посредством участия в моде их реализовать. Это наиболее «сильный» ценностный слой в структуре моды. Одни участники моды стремятся реализовать какие-то эстетические ценности и устремления, другие — экономические, третьи стремятся привлечь к себе внимание противоположного пола, четвертые — стремятся выразить высокий социальный статус, пятые хотят выделиться, шестые — наоборот, стать незаметными, скрыться в толпе, седьмые стремятся добиться успеха в профессиональной сфере и т.д. и т.д. И все это делается посредством участия в моде, т.е. поведения, ориентированного на определенные модные стандарты и объекты («моды»), обозначающие одни и те же атрибутивные ценности моды²⁰.

Весь набор атрибутивных ценностей моды: современности, универсальности, игры и демонстративности, обозначаемый тем или иным явлением, — это индикатор ее присутствия в том или ином социокультурном явлении. Это значит, что если «за» каким-то явлением мы обнаруживаем эти ценности, если оно их обозначает, значит, его можно считать модным. Теперь посмотрим, наблюдается ли в настоящее время это присутствие в различных формах благотворительной деятельности.

Благотворительность и ценность современности. В различных исследованиях среди мотивов, часто упоминаемых участниками такой формы благотворительности, как волонтерство, фигурируют поиск новых возможностей, интерес к новому опыту и новым видам деятельности.

В иерархии мотивов участия в волонтерской деятельности на Сочинской олимпиаде (всего было выявлено 24 мотива участия) важное место заняли те, которые так или иначе указывают на приверженность ценности современности, на связь с ней. Это относится к таким мотивам, как «приобретение новых знаний, умений, навыков, компетенций» (2-е место), «личностный рост» (5-е место), «профессиональное самосовершенствование» (7-е место), «профессиональное самосовершенствование» (9-е место), «необходимость самореализации» (10-е место), желание «сменить обстановку, развеяться» (13-е место), «карьерный рост» (16-е мес-

²⁰ Подробней о ценностях в структуре моды см.: Гофман А.Б. *Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения* (1994). Изд. 5-е. — М.: Книжный Дом «Университет», 2015. Глава 1.

то), «причастность к историческому событию» (17-е место), «получение новой информации, расширение кругозора» (19-е место), желание «встретить медийных персон, «звезд» (20-е место). «В целом по выборке лидируют мотивы, так или иначе связанные с получением и / или реализацией нового опыта в профессиональном или личностном плане», – констатируют авторы исследования²¹. Эти мотивы очевидным образом, так или иначе, ориентированы на ценности современности.

Ряд западных исследователей указывают на то, что среди мотивов участия молодежи в волонтерском движении преобладает желание приобрести новый опыт и навыки. Но именно молодежь составляет наиболее значительную часть волонтеров. Среди мотивов волонтеров важную роль играют такие формы ориентации на новизну, как стремление к новым контактам, которые могут помочь дальнейшей карьере, возможность узнать больше о происходящей ситуации, открытие новых перспектив, приобретение новых друзей и т.д.²².

Разумеется, ценности современности не сводятся к ориентации на новизну. Тем не менее, новизна составляет один из аспектов этих ценностей. Нередко благотворители прямо указывают на современный, своеобразный и нетрадиционный характер своей деятельности. Так, согласно упоминавшемуся выше Жаку Годбу, канадские добровольцы (*bénévoles*) часто подчеркивают свое отличие не только от профессионалов в данной области и от соответствующих государственных служб, но и от «старой» концепции добровольчества, связанной с милосердием и религиозными обязательствами²³. В целом, опираясь на существующие данные, можно сделать вывод о том, что в настоящее время ценность современности в благотворительной деятельности в той или иной форме присутствует.

Благотворительность и ценность универсальности. Ряд признаков свидетельствует о том, что ценность универсальности в современной благотворительной деятельности также присутствует. Об этом говорит, в частности, сама массовость этой деятельности, особенно некоторых ее раз-

²¹ Романова Г.М., Макарова И.Н., Шашков А.В. Мотивационные аспекты волонтерской деятельности в условиях организации событийных мероприятий в туризме // Известия Сочинского государственного университета. – 2013. – № 4-1 (27). – С.157. / <http://oaji.net/articles/2014/8-1393860997.pdf>.

²² См.: Усачева О.А. Мотивации к волонтерской деятельности и функции волонтерского движения в современной России // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / Отв. ред. В.А. Мансуров. – М.: Российское общество социологов, 2016. – С. 2859-2860.

²³ См.: Godbout J., encollab. av. A.Caillé. *L'espritdudon*. (1992). – P.: La Découverte, 2000. – P. 108.

новидностей, таких как волонтерство. Популярность последнего в последние годы дают основание говорить о настоящем буме в этой области.

Современная благотворительность носит открытый, нелокальный, незамкнутый, иногда планетарный характер. Оказываемая помощь в ней часто адресована не только «ближнему», но и «дальнему». Не случайно важную роль здесь играют международные неправительственные организации, такие как «Врачи без границ», «Репортеры без границ», «Учеба без границ», Гринпис, Всемирный фонд дикой природы, Всемирное общество защиты животных, Международная Амнистия и др. Как и в других сферах, мода в благотворительности не знает национально-государственных и прочих границ, что и является свидетельством присутствия ценности универсальности.

Ценность игры в благотворительной деятельности. Ценность игры, игровое начало в современной благотворительности имеют множество проявлений. В ней присутствуют такие фундаментальные игровые черты, как добровольность и неутилитарность. Как и игра, благотворительность заведомо является добровольной деятельностью, она по определению не может быть принудительной.

Как отмечается в ряде исследований волонтерства, многие ее участники подчеркивают, что это их собственный, никем не навязанный выбор; отсюда и испытываемые ими ощущения свободы и удовольствия при выполнении взятых ими на себя обязанностей. То же самое относится и к неутилитарному в своей основе характеру безвозмездной помощи, пожертвованиям, донорству и другим разновидностям благотворительности.

Различные благотворительные акции часто сопровождаются самыми разнообразными игровыми формами: фестивалями, концертами, аттракционами, шоу и т.п. И наоборот, сами подобные игровые и увеселительные мероприятия выступают как благотворительные акции. Как уже отмечалось, все это нередко напоминает знаменитый обычай потлач, основательно изученный социальными антропологами и этнологами.

Вообще, праздничное мироощущение — характерная черта игры, и она нередко используется в благотворительной деятельности. Так было всегда, но в настоящее время разного рода игровые практики в ней используются особенно активно.

Ценность демонстративности в благотворительности. Конечно, некоторые благотворители не афишируют и даже скрывают свою деятельность в данном качестве. Но это зависит, конечно, от типа благотворительной деятельности. Очевидно, что, например, в волонтерском движении анонимность отсутствует. Судя по всему, в целом число анонимных благотворителей невелико.

В различных видах благотворительной деятельности преобладают разнообразные формы демонстративности. Отчасти это связано с той ролью, которую эта деятельность играла и играет в поддержании и укреплении личной и семейной идентичности, а также социальных связей. Демонстративность имеет важное значение в отмеченных выше игровых и праздничных мероприятиях, нередко сопровождающих благотворительные акции. Уместно вспомнить и разнообразную яркую атрибутику в волонтерстве, привлечение внимания публики с помощью различных рекламных средств и т.п. Благотворительность — деятельность публичная, она предполагает привлечение значительного числа участников, а потому ценность демонстративности занимает в ней важнейшее место.

Заключение

Из предыдущего можно сделать вывод о том, что мода в современной благотворительности присутствует и участвует в ней прямо или опосредованно. Ее удельный вес в сравнении с другими типами благотворительности: традиционной, институциональной и общественно-гражданской, — сегодня несомненно больше, чем в недавнем и, тем более, отдаленном прошлом. Можно ли считать, что ее развитие и распространение свидетельствуют, как это иногда утверждается, о постепенном вытеснении ценностей консюмеризма ценностями здорового гражданского общества? По-видимому, все не так просто. Скорее речь может идти о том, что те и другие ценности сочетаются между собой тем или иным образом.

Наконец, уместно задаться вопросом о том, как в целом соотносятся между собой различные типы благотворительности, выделенные нами: традиционная, институциональная, общественно-гражданская и модная. По-видимому, в настоящее время имеют место разнообразные формы взаимодействия и сочетания этих форм: конкуренция, борьба, взаимное дополнение и взаимное проникновение. Важно, чтобы одна из них полностью не поглотила и не вытеснила другие. Как уже отмечалось, каждый из немодных типов сам по себе вполне может наделяться модными значениями, становиться модой. Собственно, реально так оно и происходит, особенно с общественно-гражданской благотворительностью. Вполне возможно, что нынешняя мода на благотворительность пройдет: ведь, согласно известному выражению, мода — это то, что выходит из моды. Но и в этом случае все равно благотворные последствия моды на благотворительность останутся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гофман А.Б. Живой Мосс. Конференция в Серизи // Личность. Культура. Общество. — 2009. — Т. XI. — Вып. 4 (№№ 51-52). — С. 500-505.

2. Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения (1994). Изд. 5-е. – М.: Книжный Дом «Университет», 2015. – 228 с.
3. Дудченко О.Н., Мытиль А.В., Зарипова З.Р. Перспективы развития благотворительности в России // Россия реформирующаяся. Ежегодник-2011 / Отв. ред. М.К. Горшков. – М.; СПб: Институт социологии РАН; Нестор-история, 2011. – С. 389-402.
4. Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е. Влияние доверия на участие россиян в благотворительности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2017. – № 2. – С. 145-159.
5. Мосс М. (в соавт. с А. Юбером). Очерк о природе и функции жертвоприношения // Мосс М. Социальные функции священного. – СПб: Евразия, 2000. – С. 7-112.
6. Мосс М. «Опыт о даре» (1925) // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Книжный Дом «Университет», 2011. – С. 134-285.
7. Певная М.В. Волонтерство как социологическая проблема // Социс. – 2013. – № 2. – С. 110-119.
8. Усачева О.А. Мотивации к волонтерской деятельности и функции волонтерского движения в современной России // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / Отв. ред. В.А. Мансуров. – М.: Российское общество социологов, 2016. – С. 2859-2860.
9. Silber I. Modern Philanthropy: Reassessing the Viability of a Maussian Perspective // Marcel Mauss. *A Centenary Tribute* / Ed. by W. James and N.J. Allen. – N.Y.; Oxf.: Berghahn Books, 1998. – P.134-150.
10. Steiner P. La transplantation d'organes. Un commerce nouveau entre les ktrashumains. – P.: Gallimard, 2010.
11. Titmuss R. *The Gift Relationship: From Human Blood to Social Policy* (1970). – N.Y.: NewPress, 1997.

BIBLIOGRAPHY

1. Gofman A.B. Zhivoy Moss. Konferentsiya v Serizi // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. – 2009. – Т. XI. – Вып. 4 (№№ 51-52). – С. 500-505.
2. Gofman A.B. Moda i lyudi. Novaya teoriya mody i modnogo povedeniya (1994). Izd. 5-e. – М.: Knizhnyy Dom «Universitet», 2015. – 228 s.
3. Dudchenko O.N., Mytil A.V., Zaripova Z.R. Perspektivy razvitiya blagotvoritelnosti v Rossii // Rossiya reformiruyushchayasya. Ezhegodnik-2011 / Отв. ред. М.К. Gorshkov. – М.; SPb: Institut sotsiologii RAN; Nestor-istoriya, 2011. – С. 389-402.
4. Mersyanova I.V., Korneeva I.E. Vliyaniye doveriya na uchastie rossiyan v blagotvoritelnosti // Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny. – 2017. – № 2. – С. 145-159.
5. Moss M. (v soavt. s A. Yuberom). Ocherk o prirode i funktsii zhertvoprinosheniya // Moss M. Sotsialnye funktsii svyashchennogo. – SPb: Evraziya, 2000. – С. 7-112.
6. Moss M. «Opyt o dare» (1925) // Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost. Trudy po sotsialnyy antropologii. 2-e izd., ispr. i dop. – М.: Knizhnyy Dom «Universitet», 2011. – С. 134-285.
7. Pevnaya M.V. Volonterstvo kak sotsiologicheskaya problema // Sotsis. – 2013. – № 2. – С. 110-119.
8. Usacheva O.A. Motivatsii k volonterskoy deyatelnosti i funktsii volonterskogo dvizheniya v sovremennoy Rossii // Sotsiologiya i obshchestvo: sotsialnoe neravenstvo i sotsialnaya spravedlivost (Ekaterinburg, 19-21 oktyabrya 2016 goda) [Elektronnyy resurs] Materialy V Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa / Отв. ред. В.А. Mansurov. – М.: Rossiyskoe obshchestvo sotsiologov, 2016. – С. 2859-2860.
9. Silber I. Modern Philanthropy: Reassessing the Viability of a Maussian Perspective // Marcel Mauss. *A Centenary Tribute* / Ed. by W. James and N.J. Allen. – N.Y.; Oxf.: Berghahn Books, 1998. – P.134-150.
10. Steiner P. La transplantation d'organes. Un commerce nouveau entre les ktrashumains. – P.: Gallimard, 2010.
11. Titmuss R. *The Gift Relationship: From Human Blood to Social Policy* (1970). – N.Y.: NewPress, 1997.

Поступила в редакцию 14.05.2018 г.